

УДК 947.072.5

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ
КАВАЛЕРИИ В ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И
ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ 1813–1814 ГГ.**

© Т. В. ЯНЧАУСКАС

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского,
кафедра всеобщей истории, историографии и археологии
e-mail: rimma_yang@rambler.ru

Янчаускас Т. В. – Социальное происхождение офицеров русской Регулярной кавалерии в эпоху Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 гг. // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1158–1163. – *Теме социального происхождения офицерского состава русской регулярной кавалерии в эпоху Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 гг. посвящено в отечественной историографии довольно мало внимания. Данная статья должна восполнить этот пробел. На основе анализа изученных формулярных списков 18-ти различных полков в ней представлен социальный портрет российского офицера начала XIX века. Приведен значительный объем новой информации по истории русской офицерского корпуса. Выявлены связи между сословным происхождением и продвижением по службе. Большинство данных основано на архивных источниках.*
Ключевые слова: кавалерия, офицеры, армия.

Janchauskas T. V. – Social origin of officers at the Russian Regular cavalry during an epoch of Patriotic war of 1812 and Foreign campaigns 1813–1814 // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. i V.G. Belinskogo. 2012. № 27. P. 1158–1163. – *During an epoch of Patriotic war of 1812 and Foreign campaigns 1813–1814 not enough attention is devoted a theme of social origin of officers of Russian regular cavalry in a domestic historiography. Given article should meet this lack. On the basis of the analysis of studied official lists 18 various regiments in it the social portrait of the Russian officer of the beginning of a XIX-th century is presented. The considerable volume of the new information on stories Russian the officer case is resulted. Communications between a class origin and promotion are revealed. The majority of the data is based on archival sources.*

Keywords: cavalry, officers, army.

Теме социального происхождения офицеров русской армейской и гвардейской регулярной кавалерии в отечественной историографии отведено довольно мало внимания. Данной проблемой занимались Д. Г. Целорунго [25] и С. В. Волков [3]. На местном уровне занимались в Пензенской и Калужской губерниях [1]. Если Д. Г. Целорунго смог провести общий анализ происхождения офицерского состава всех родов войск, участвовавших в Бородинском сражении, не останавливаясь подробно на каждом в отдельности, то С. В. Волков – исследуя весь период существования российских войск до 1917 г., отвёл эпохе царствования Александра I довольно мало места. Советский историк Ю. Ф. Прудников посвятил свои статьи годам правления императора Павла I, что может лишь косвенно помочь нам понять все изменения, произошедшие в начале XIX в.

Офицерский корпус русской армии комплектовался по преимуществу потомственными дворянами, которые к концу 1812 г. составляли 86,5 % от всей чис-

ленности (по другим данным – от 73,8 % до 87,6 %), и включал иностранное дворянство (13,3 %) [9]. Остальные же происходили из других сословий и после получения первого офицерского чина автоматически получали личное дворянство, а в некоторых случаях – и потомственное.

Чтобы представить сословное происхождение офицеров кавалерии, нами были изучены 1264 формулярных списков 18-ти полков из коллекции Российского государственного военно-исторического архива: шести драгунских (Митавского, Новороссийского, Московского, Псковского, Белгородского, Владимирского, Санкт-Петербургского); двух кирасирских (Малороссийского и Лейб-кирасирского Его Величества); трех уланских (Литовского, Чугуевского, Польского); двух гусарских (Изюмского и Белорусского); трех полков гвардии – Лейб-гвардии Уланского, Лейб-гвардии Конного и Лейб-гвардии Казачьего). Еще два полка (Ямбургский и Сибирский) в декабре 1812 г. были переведены из драгунских в уланские. Т.о., 8

полков, формулярные списки офицеров которых исследовались нами, относятся к тяжелой кавалерии, 8 – к легкой, и 2 – переходные из тяжелой в легкую.

Все вышеперечисленные полки в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов находились в разных армиях, имели разную степень участия в боях, различные принципы и условия комплектования. Таким образом, исследуя формулярные списки офицеров указанных полков, мы смогли бы наиболее полно познакомиться с обликом кавалерийского офицера того времени. Нами специально были выбраны формулярные списки, составленные в конце 1813 – начале 1814 гг., для того, чтобы проследить состав и происхождение офицеров, находившихся в строю в период русской кампании и похода в Европу.

Необходимо сказать, что формуляры грешат неточностями, исправлениями, описками, ошибками писаря. Зачастую при командировке в другой полк, дальнейшая судьба офицера становилась неизвестна. При пленении офицера часто ставилась запись о его гибели. Некоторые данные были утеряны, некоторые подверглись неправильному хранению в архивах и записи стали трудночитаемыми.

Самой многочисленной социальной группой офицеров являются представители потомственного нетитулованного дворянства. Они составили 58,7 % от общей численности. При поступлении на службу им необходимо было предоставить какие-либо доказательства о дворянстве согласно «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 1785 г., в это число мы включили тех, кто будучи выходцем из недворянских сословий или их потомком, заслужил потомственное дворянство при получении ими первого обер-офицерского чина и получившие дворянство на гражданской государственной службе. В случае если офицер переводился в другой полк, то свидетельство присылалось в ту часть, куда офицер желал поступить.

Дворяне могли пройти курс профессиональной подготовки в нескольких, существовавших тогда, военно-учебных заведениях: Пажеском корпусе, 1-м Смоленском и 2-м кадетских корпусах, Императорском Военно-Сиротском доме, Гапаньемском Топографическом корпусе. С 16 лет, а также студентам университетов, можно было проходить курс обучения в Дворянском полку при 2-м Кадетском корпусе [23]. Однако, во всей армии количество офицеров, получивших образование в военных заведениях не превышало 22,3 %, и большинство дворян, согласно положению 1762 г., добровольно вступали в армию сразу в унтер-офицерском чине, исполняя первые три месяца обязанности рядового и обязуясь прослужить в течение 3-х лет до получения первого офицерского звания. Часто, этот срок увеличивался из-за нехватки вакансий при полку. Но дворяне имели преимущества при производстве по сравнению с унтер-офицерами из других сословий. С 1798 г. «достойные унтер-офицеры из дворян» получали чин портупей-юнкера (в драгунских полках – фанен-юнкера, а в кирасирских – эстандарт-юнкера) и только затем могли быть приказом за лич-

ной подписью императора произведены в корнеты. Некоторые полки имели унтер-офицеров из дворян больше установленного штатами, некоторые наоборот испытывали острую их нехватку. В связи с этим, Александр I выпустил несколько повелений с приказами шефам полков представлять всех достойных к производству дворян, даже если они не выслужили положенных сроков и отсылать в полки, в которых особо сильно ощущался недостаток. Кроме того, армейские части получали пополнение офицерами, переведенными из гвардии. Особое место занимало титулованное дворянство, т.е. имевшее титул князя, графа или барона. Поступление и прохождение ими службы ничем не отличалось от остальных дворян, однако большинство из них служило не в армии, а в гвардии. Из всех изученных нами кавалерийских полков русский титулованный дворянин встречается только в Лейб-гвардии Конном: штабс-ротмистр князь Павел Петрович Шаховской, сын коллежского асессора, остальные же являются представители иностранного титулованного дворянства [7].

Правами российского дворянства обладали также представители национальных меньшинств или присоединенных к Российской империи народностей, татарских мурз, сыновей казачьих старшин и т.д. Так, например, командир Лейб-гвардии Уланского полка генерал-майор А. С. Чаликов был родом из грузинских дворян, штабс-ротмистр этого же полка Захар Анисимович Иоселиани, который в ноябре 1812 г. отличился тем, что захватил в сражении под Красным неприятельского орла 18-го линейного полка, был имертинским дворянином [2]. Ротмистр Лейб-гвардии Казачьего полка Темир Булатович Эльмурзин, умерший в 1814 г. от ран в чине полковника [5], был представителем черкесской знати. Офицер Лейб-Кирасирского Ея Величества полка Петр Сергеевич Лоросиянов также из черкес [10]. Из старинного тептярского рода был корнет Дивле-Кильдеев, переведенный позднее во 2-й Тептярский полк. Также, одним из лейб-казаков был поручик, грузинский царевич Григорий, позднее ставший флигель-адъютантом Ея Величества.

Как в Лейб-гвардии Уланском, так и в Лейб-гвардии Конном полках служили офицеры из старинных дворянских фамилий, жалованные непосредственно монархами и способные доказать свою принадлежность к дворянству ранее 1685 г. Предки некоторых из них были иностранцами, но приняв подданство и покрестившись в православие, полностью ассимилировались, как к примеру, полковник Лейб-гвардии Уланского полка Карл Иванович Сиверс, адъютант генерала М. Б. Баркляя де Толли.

Социальное положение дворян было совершенно разнообразным. Число дворян, имеющих несколько сот крепостных крестьян даже в гвардии встречалось очень редко. Напротив, много было тех, кто крестьян и имущества вовсе не имели, как штабс-ротмистр Лейб-гвардии Уланского полка С. П. Муравьев. А у 90 % офицеров Ямбургского полка крестьян не было вовсе [11]. Национальность офицера определить довольно сложно, т.к. она не отражалась в формулярных

списках. В этом отношении следует ориентироваться лишь на вероисповедание и данные о российском дворянстве. Так, единственный офицер Ямбургского драгунского полка, участвовавший в Бородинском сражении Федор Радионович Корожинский был из дворян Могилевской губернии, где большинство землевладельцев исторически принадлежало к польской шляхте. Однако, он проходит во всех документах, как «из российских дворян» и «православный». Т.о. возможно, он является лишь потомком дворян Речи Посполитой.

Всего в 18-ти полках нами было выявлено 720 российских дворян, что соответствует 58,7 % от общей численности офицеров.

Далее, самой многочисленной группой можно считать польское дворянство. Оно составило по нашим подсчетам 13,9 %. Мы объединили воедино как дворян, так и шляхту – дворян, не предоставивших документов с доказательствами. Подавляющее большинство их служило в легкой кавалерии. Здесь сказывалось два фактора – традиции службы в уланах, как самого многочисленного вида конницы у поляков, и главный, определяющий – принцип набора военнослужащих «вербунок». Согласно ему, происходила вербовка «из всякого состояния российских и иностранных свободных людей, в подушный оклад не положенных и другою службой не обязанных». Офицеры и унтер-офицеры определялись на службу шефом по представлению и засвидетельствованию эскадронных командиров. При этом шефу необходимо было следить, чтобы вступившие люди были не «беглые, не подозрительные, известного происхождения, не престарелые и не увечные». Так, в Польский конный полк в свое время вступила знаменитая кавалерист-девица Н. А. Дурова, по известным причинам не смогла предоставить подтверждение о дворянстве [4]. В гвардию же зачислялись, как правило, только доказавшие свое благородное происхождение.

Польское дворянство можно разделить на две части: жителей западных губерний России – Литвы, Белоруссии, Малороссии и выходцев с земель Речи Посполитой и Герцогства Варшавского. Так, формуляр корнета Польского уланского полка Федора Иосифовича Литинского говорит о том, что он происходил из польского шляхетства Литвы а российского дворянства не получил [12]. Подполковник Иван Андреевич Дзевонский, кавалер орденов Св.Анны 2 ст. с алмазами, Св.Владимира 4 ст. с бантом, Золотой шпаги «За храбрость» и прусского «Пурлэ Мерит», будучи уроженцем Речи Посполитой, поступил из капитанов польской армии в ротмистры в 1796 г. и продолжил успешную карьеру уже в российских войсках. Ротмистр ямбургских улан Александр Киркор также перевелся из 3-го полка польских улан. Чугувец же, поляк Митрошевский вообще был принят в конце Заграничного похода с французской службы [24], так же, как и капитан Новороссийского драгунского полка Щербинский [8].

Часто, как это было в Литовском уланском полку, в эскадронах служили по несколько представителей одной фамилии: Андржейкович 2-й и Андржей-

кович 3-й (один из братьев отличился в сражении под Смоленском, другой там же пропал без вести), Иг. О. Бернацкий 2-й и А. О. Бернацкий 3-й (оба выходцы из Лейб-гвардии Уланского полка), Велигурский 1-й и Велигурский 2-й, Е. А. Ржонницкий 1-й и Ф. А. Ржонницкий 2-й [13].

Из этого ряда заметно выбивается Сибирский уланский полк. Несмотря на любимый поляками род оружия, их числилось в 1813 г. в нем лишь пять человек. Объясняется это тем, что 27 декабря он был создан из одноименного драгунского полка, комплектовался за счет обычного рекрутского набора и офицерами были в основном выходцы из русских черноземных губерний [14].

Следующими по количеству поляков-офицеров идут гусарские полки. В Изюмском они насчитывают 16,3 % [15] и в Белорусском – 11,1 % от всей их численности [16]. Еще меньше их в драгунах и кирасирах. В ямбуржцах их всего трое, у митавцев – шестеро, в малороссийцах – четверо, и т.д.. В лейб-казаках нами не был выявлен ни один поляк. Некоторые указаны в списках, как поляки. Однако, судя по фамилии, как к примеру, поручик Белорусского гусарского полка Винцентий Францевич Нарбут из Литунного повета Виленской губернии, по национальности скорее всего литовцы.

Многочисленную группу офицеров кавалерийских полков составляли иностранные дворяне (4 % от всей выборки). В основном, это выходцы из Пруссии и других германских государств, перешедшие на русскую службу в конце XVIII в. или после войн антинаполеоновской коалиции 1805–1807 гг. В Новороссийский драгунский полк в 1813 г. произошел переход целой группы офицеров-немцев из Российско-Германского Легиона – капитан И. Я. Петерс, поручик Зигеборт, подпоручик К. Ф. Фон-Витте, прапорщик Э. А. Фон Шлейф.

В литовских уланах служили переведшийся из английского Королевского Германского Легиона (KGL) поручик Фон Стринский, а также один англичанин – корнет Лесли, переведшийся из прапорщиков Тверского ополчения [17].

Далее следуют уроженцы присоединённой в 1809 г. Финляндии и проживавшие там шведы. В Митавском драгунском полку служил швед, «зюдерманландец» Влас Кириллович Левш [18]. В Белорусском гусарском полку нам встретился единственный датский дворянин – ротмистр Христофор Фридрихович Кнут, прошедший с 1810 г. войну с Турцией, 1812 г. и закончивший поход во Франции в 1814 г.

Немногочисленные французы, часто записанные как «из французских дворян», были в большинстве своем роялистами и эмигрантами времен Французской революции. В белорусских гусарах служил француз Климентий Климентьевич Ксилитарнов, отличившийся в сражении под Лейпцигом в 1814 г., в лейб-уланах – маркиз Иосиф Павлович Дебуасезонн, в Польском уланском – Георг Яковлевич Левенпут, в конногвардейском полку служил единственный попавшийся нам бывший капитан ар-

мии Батавской республики – Христофор Федорович Солдаен.

Малороссийский кирасирский офицер Григорий Дмитриевич Синодин был греческим дворянином, уроженцем турецкого острова Тендоса, ранее служившим в Молдавском княжестве [19]. Представителем Балканского полуострова был майор Белорусского гусарского Иван Кузьмич Данилевич, албанский дворянин, служивший в российских войсках со времен подавления восстания Тадеуша Костюшки и прошедший все кампании против Наполеона с 1805 г. по 1814 г.

Нам встретился даже один крещенный еврей, прапорщик новороссийских драгун Моисей Абрамович Якимих, при Бородине принявший командование эскадрой после гибели командира и тяжело раненый, впоследствии отличившийся под Лейпцигом и Фер-Шампенуазом и уволенный со службы «за ранами» в чине майора. Но, как мы уже говорили выше, национальность в продвижении по военной лестнице особого значения не имела, если человек был православным христианином.

При изучении списков необходимо учитывать, что иностранные имена и фамилии часто старались трансформировать в русские или более легкие для произношения. Иногда после русской транскрипции в скобках писался настоящий вариант имени, как например, в послужном списке командира Митавского полка Радиона Федоровича фон Геригросс (Ренатус-Самуэль Август фон Геригросс).

Почти столько же, сколько и иностранных дворян, – 3,8 %, в полках служило остзейских дворян из прибалтийских земель. Их подавляющее большинство было из Лифляндской губернии, и намного меньше из Эстляндской и Курляндской. Из последней было выявлено всего два человека. В тяжелой кавалерии их служило немного больше, чем в легкой (24 человека в нашей выборке).

Доля кавалерийских офицеров из крестьян составила 3,2 %. В это число вошли государственные, помещичьи, дворовые, монастырские и экономические крестьяне. Почти все они выявляются в драгунах. Лишь один был найден в Лейб-кирасирском Ея Величества полку. Попадая в армию по рекрутскому набору, после 12-ти летней выслуги в унтер-офицерах они могли претендовать на чин корнета или прапорщика.

2,6 % заняли выходцы из казаков. Т.к. жители территорий казачьих войск поставляли строевых чинов в иррегулярные части, имеются в виду малороссийские казаки, которые с 1792 г. по приказу Военной коллегии после 15 лет службы в легкоконных полках и получения унтер-офицерского чина имели право получить увольнение и поступить в регулярную конницу. К примеру, офицер Изюмского полка Винник, находившийся в службе с 1789 г., или И.И. Грузинов, служивший с 1797 г. из Чугуевского уланского полка, в котором их было больше, чем в остальных, из-за того, что тот был сформирован из Чугуевского регулярного казачьего полка в 1808 г. [20]. Казаков же области Войска Донского мы можем увидеть только в рядах Лейб-гвардии Казачьего полка – как детей казачьих

старшин, знати, так и выходцев из самых низов. Украинских казаков прекрасно охарактеризовал в свое время Н. А. Столыпин: «Мы видим малороссиян, которые не взирая на то, что в домах лошадей почти вовсе не имеют, но по склонности своей весьма способны к кавалерии» [22].

Выходцев из солдатских детей (т.е. рядовых и унтер-офицеров, детей нижних чинов, еще при рождении записанных в кантонисты) в драгунах и кирасирах в нашей выборке оказалось 2,1 %. Даже исполняющий обязанности командира Малороссийского кирасирского полка майор Андрей Григорьевич Таволин (в службе с 1785 г.) был из «солдатских детей крепости». Срок службы для них был установлен в 25 лет, получить галуны унтер-офицера они могли после 4-х лет, и после 8-ми лет службы можно было претендовать на офицерский патент, либо была возможность уволиться со службы с обер-офицерским чином после 15 лет службы. Иногда бывало так, что солдатским сыном назывался сирота, которого согласно «Инструкции конного полка полковнику» отдавали на попечение женатому «доброму и надежному» солдату до семи лет, а потом обучали в полковой школе [6]. По подсчетам Д. Г. Целорунго всего выходцев из солдатских детей во всех родах оружия 1-й и 2-й Западных армиях было 4,5 %. В легкой кавалерии они нами не были обнаружены.

Обер-офицерские дети, т.е. те, кто был рожден до получения их отцами первого офицерского чина и потомственного дворянства и дети гражданских чиновников-недворян XIV–XI классов, составили 1,9 %. Они получали только личное дворянство и в родословные книги не записывались. Стать офицерам можно было по окончании 4-х лет унтерской службы, как, к примеру, чугуевский улан И. И. Бочеров, унтер-офицер с 1810 г., получивший в 1814 г. корнета.

Дети представителей духовенства, которые обычно записывались как «из церковников», составили 1,5 % (19 человек). Это дети священнослужителей и церковнослужителей – дьяконов, иподьяконов, певчих, чтецов и т.д., поступившие на службу добровольно, или реже, в наказание за какие-либо проступки. Для получения офицерского чина им надо было прослужить 8 лет унтер-офицерами.

0,8 % из детей служащих-канцеляристов, писарей и т.д.

0,7 % выявлено из вольноопределяющихся – детей обер-офицеров и учащиеся Академии художеств и других гражданских учебных заведений и иностранцы, способные доказать свою вольность. Они также должны были прослужить 4 года унтер-офицерами до получения первых эполет. Если же за 15 лет кто-то так и не смог их заслужить, то мог отправиться в отставку с присвоением первого обер-офицерского чина. Их особенно много было в уланских полках и в Малороссийском кирасирском полку, куда поступило некоторое количество студентов немецких и лифляндских университетов, таких как Дерптский.

Крестьян-однодворцев было насчитано 0,5 % (7 человек). Будучи в составе государственных кре-

стьян, они также имели право на чин после 12 лет службы унтер-офицером и могли восстановить свое родовое дворянство.

0,4 % поровну разделили между собой штаб-офицерские дети (те, кто был рожден, когда их отцы не достигли еще майорского чина) и воинские поселяне.

Воинские поселяне были потомками вольно вступивших на русскую службу сербов, хорватов, венгров, грузин, молдаван, валашцев и т.д., служивших в поселенных гусарских полках в XVIII в. и получавшие за это надел земли на Украине, а также потомки слободских украинских казаков, служивших в легкоконных и гусарских полках. У них сохранялось право земельного владения за службу и возможность выхода в отставку после 15-ти летней выслуги. Офицерское звание им можно было получить через 6–10 лет. В основном они служили в гусарских полках. Так, Лубенский полк был сформирован в 1808 г. полностью из воинских поселян. Но встречались они не только там. Нами были найдены несколько поселян в Белорусском полку, и один – в Митавском драгунском.

Купцы, коих нашелся всего один, были освобождены от рекрутской повинности, но поступаая служить добровольно, тянули 25-летнюю лямку наряду с остальными. Доля их в армии, а тем более в кавалерии, была невелика. Например, из всех участников Бородинского сражения только 0,5 % были из купеческого сословия.

Мещан, вольно вступивших и вольно вступивших иностранцев нами выявлено не было. Происхождение части офицеров осталась неизвестной. Скорее всего они только поступили на службу, и в штабе успели записать лишь их фамилию, имя, отчество и чин. В некоторых формулярах остались записи, что «о службе ничего неизвестно».

Благодаря проведенному исследованию, можно увидеть, что в годы Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, несмотря на преобладание представителей дворянства, в рядах офицеров регулярной кавалерии было довольно много выходцев из других сословий и офицерский корпус не являлся такой закрытой кастой, как это часто представлялось в некоторых исследованиях и при определенных условиях в него был открыт путь и из податных сословий. Путь в обер-офицеры был довольно долог, особенно для крестьян. Но хорошо проявив себя перед начальством, показав выучку, умения, дисциплину и по возможности выучившись грамоте, пройдя унтер-офицерскую школу можно было надеяться на золотые или серебряные эполеты. Отдельными факторами были благосклонность начальства и недостаток или недостаток людей в строю. Количество произведенных таким образом офицеров говорит о том, что люди из низших сословий могли впитать в себя понятия об офицерской чести, воспринять в себя традиции, обычаи, быть принятыми в офицерское

Таблица 1

Сословное происхождение штаб- и обер-офицеров армейской и гвардейской регулярной кавалерии – участников Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг.

	Полки тяжелой кавалерии				Полки легкой кавалерии			
	Штаб-офицеры		Обер-офицеры		Штаб-офицеры		Обер-офицеры	
Сословное происхождение	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Из российских дворян	44	3,5	352	28,7	46	3,7	278	22,6
Из иностранных дворян	4	0,3	12	0,9	7	0,5	27	2,2
Из остзейских дворян	3	0,2	21	1,7	-	-	23	1,8
Из польской шляхты	3	0,2	29	2,3	13	1	126	10,2
Из вольноопределяющихся	-	-	3	0,2	-	-	6	0,4
Из штаб-офицерских детей	-	-	3	0,2	1	0,8	1	0,8
Из обер-офицерских детей	-	-	21	1,7	-	-	3	0,2
Из солдатских детей	1	0,8	25	0,2	-	-	-	-
Из духовенства	1	0,8	8	0,6	-	-	10	0,8
Из купцов	-	-	1	0,8	-	-	-	-
Из мещан	-	-	-	-	-	-	-	-
Из казаков	-	-	2	0,1	-	-	30	2,4
Из детей служащих	-	-	10	0,8	-	-	-	-
Из обывателей-однодворцев	-	-	-	-	-	-	7	0,5
Из крестьян	1	0,8	15	1,2	3	0,2	21	1,7
Из военных поселенцев	-	-	1	0,8	-	-	4	0,3
Неизвестно	3	0,2	56	4,5	-	-	-	-
Всего	60	4,8	568	43,1	70	5,7	566	46,2

собрание наряду с носителями высокой дворянской культуры. Не последним фактором была способность к верховой езде и любовь к лошадям у представителей западных губерний империи – Малороссии, Белоруссии, Литвы, а также поляков. Надо сказать, что почти все, за исключением одного, найденные нами офицеры были грамотными, умели читать и писать, а примерно 30 % знали и специальные науки – математику, фортификацию, алгебру, геометрию. Около 50 % умели говорить по-польски, французски, немецки, небольшая часть – знали итальянский, латынь и греческий, а выходцы с Кавказа – турецкий, грузинский, имертинский и т.п. Это несколько разрушает еще один популярный миф о безграмотности офицеров в эпоху войны 1812 г.

Результаты нашей выборки несколько отличаются от состава всей армии, включающей и другие рода войск. В кавалерии было больше представителей шляхты, казаков, вольноопределяющихся. Они разительно отличаются от результатов аналогичных подсчетов послужных списков армии Наполеона. К 1814 г. происхождение младших офицеров французской армии до капитана включительно насчитывало более 5 % дворян, выходцев из семей землевладельцев – ок. 20 %, из буржуазных семей – ок. 25 %, из семей чиновников – 10 %, детей военных – 7 %, ремесленников – 10 %, крестьян – 14 %, семей рабочих и поденщиков – 1 % [21.С. 72–73]. Вообще же количество офицеров во всей русской армии почти совпадает с численностью их коллег в королевской французской армии накануне революции 1789 г. – это 78,8 %. Сделать военную карьеру выходцу «из народа» во французской армии было проще. Достаточно быть храбрым в бою, умелым солдатом, способным учиться и конечно, должен был быть процент везения. В русской же, кроме всего вышперечисленного, необходимо было достойно показывать себя в течении долгих лет, ни в коем случае не быть подвергнутым телесным наказаниям и надеяться на вакантное место в штатах полка. Несмотря на все трудности и препоны карьерных лестниц, русская армия смогла одержать победу над сильнейшей армией мира, а российская кавалерия смогла показать себя самым достойным образом во всех сражениях Отечественной войны 1812 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов С. В. Пензенцы – участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Пенза: ПГПУ, 2004. 292 с.
2. Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. 336 с.
3. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
4. Дурова Н. А. Записки. М.: Захаров, 2002. 379 с.
5. Жеребков А. Г. История Лейб-гвардии Казачьего Ея Величества полка. СПб.: тип. Второго отделения Собственной Ея Императорского Величества канцелярии, 1876. 493 с.
6. Инструкция конного полка Полковнику. СПб.: Государственная Военная Коллегия, 1766. 135 с.
7. Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1864 год. СПб.: 1886, 510 с.
8. Потто В. А. История Новороссийского драгунского полка. 1803–1865. СПб., 1866.
9. Прудников Ю. Ф. К вопросу о комплектовании русской армии (1794–1804 гг.) // Вестник Московского университета. Серия «История». 1972. №2. С. 68–74
10. Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 489. Опись 1. Дело 2115. Лист 18.
11. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2631
12. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2665. Л. 47.
13. РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 2660. Л. 66.
14. РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 2669.
15. РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 2276.
16. РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 2254
17. РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 2658.
18. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2449.
19. РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 2203. Л.63.
20. РГВИА. Ф. 489. Оп.1. Д. 2693. Л. 43.
21. Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб.: Империя, 1999. 585 с
22. Столыпин Н. А. Опыт об употреблении легкой кавалерии. СПб.: 1854, 98 с.
23. Ульянов И. Э. Русская пехота в бою. М.: Эксмо, 2008. 270 с.
24. Хлебников История 32-го драгунского Ея Величества Чугуевского полка. 1613–1893. СПб., 1893.
25. Целорунго Д. Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения (историко-социологическое исследование). М.: Калита, 2002. 367 с.